

чисто душевныхъ, Шопенгауеръ того убѣжденія, что они несравненно неслоснѣе непосредственныхъ, физическихъ: не даромъ, говоритъ онъ, мы совершенно забываемъ о физической боли, когда насъ терзаютъ муки душевныя. Другими словами, даже самыя страданія животнаго, благодаря тому, что они прикованы къ настоящей минутѣ, легче выносимы, чѣмъ человѣческія страданія.

Изъ всего этого мы однако видимъ, что если человѣкъ не умѣетъ безраздѣльно отдаваться настоящему, то виною этому вовсе не его неспособность жить „въѣ времени“,—тутъ ужъ нельзя было бы ничѣмъ помочь,—а совсѣмъ другое, и именно не что иное, какъ рефлексія, то-есть стремленіе отвлекаться отъ непосредственной дѣйствительности. И самъ Шопенгауеръ, помимо своихъ метафизическихъ объясненій на счетъ „сущности времени“, именно на это и указываетъ здѣсь, какъ на главное.

Въ большинствѣ случаевъ,—говоритъ онъ,—человѣкъ и страдаетъ, и радуется не подъ непосредственными впечатлѣніями живой дѣйствительности, а подъ вліяніемъ отвлеченныхъ данныхъ. Реальное удовольствіе настоящей минуты легко уступаетъ въ немъ сознанию, что испытываемое имъ удовольствіе вредно, что оно повлечетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, что оно куплено нехорошей цѣной. И наоборотъ, реальное страданіе данной минуты охотно переносится нами ради будущей пользы, ради того, что подумаютъ о насъ другіе, и изъ тому подобныхъ расчетовъ отвлеченнаго сознания. Вообще, въ то время какъ на животное дѣйствуетъ только наглядное, образное, чувственное,—словомъ, только то, что оно испытываетъ непосредственно, у человѣка къ непосредственнымъ ощущеніямъ примѣшивается головная работа разсудка, памяти, воображенія, вслѣдствіе чего непосредственныя чувства страдаютъ: они расшатываются, лишаются силы, свѣжести и полноты. Этимъ въ глазахъ Шопенгауера объясняется, почему человѣкъ не знаетъ ни той безпечности, ни того душевнаго спокойствія, которыя свойственны животнымъ. И этимъ же объясняется его неумѣнье жить и пользоваться настоящимъ.

Замѣчательно, что разъ только Шопенгауеръ сталъ на эту почву, то-есть на почву реальныхъ объясненій, онъ ужъ перестаетъ видѣть единственное спасеніе отъ зла въ томъ, чтобы отрѣшиться отъ условій времени, что, по его же словамъ, для нормальнаго человѣка немислимо. При этомъ даже самая способность къ рефлексіи, которая тутъ всему причиной, пріобрѣтаетъ въ его глазахъ не малую положительную цѣну, какъ несомнѣнно благотворная во многихъ отношеніяхъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, способность предвидѣть будущее, вспоминать опытъ прошлаго и